Драгоманов М

Терроризм и свобода

1 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ц.525
Д 835

Д 835
Ла 3111
Библіотека Освобожденія № Ла 3111
Библиотека ИМЭЛ
411369

LE TERRORISME ET LA LIBERTÉ EN RUSSIE

par M. Dragomanov.

ТЕРРОРИЗМЪ И СВОБОДА,

МУРАВЬИ И КОРОВА

ОТВѢТЪ НА ОТВѢТЪ „ГОЛОСА“

М. Драгоманова.

Мы охотно признаемъ, что заглавіе настоящей статейки мало соотвѣтствуетъ серьозности предметовъ, о которыхъ мы думаемъ трактовать и что оно слишкомъ напоминаетъ заглавіе басенъ блаженной памяти Кузьмы Пруткова. Но, право, вина въ этомъ должна падать не на насъ, а на ту газету, по поводу статьи которой мы должны говорить о предметахъ весьма серьозныхъ и для насъ, и для читателей.

Дѣло вотъ въ чемъ:

Рядъ политическихъ убійствъ и покушеній повелъ за собою объявленіе Россіи на военномъ положеніи, а наконецъ назначеніе вицеимператора, гр. Лориса-Меликова. Вицеимператоръ издалъ прокламацію, въ которой обѣщаетъ искореневіе источника вышеупомянутыхъ «смутъ», а вмѣстѣ и возвращеніе Россіи на путь мирнаго развитія. Спустя извѣстное время послѣдовали нѣкоторыя перемѣны въ высшей администраціи, — напр. отставка шефа жандармовъ, потомъ перемѣна министра народнаго просвѣщенія и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ заявлено было о предстоящей амнистіи для части сосланныхъ административнымъ порядкомъ, особенно для студентовъ. Нѣкоторые наивные люди и въ Россіи, и за границей пришли въ умиленіе и отъ прокламаціи, и отъ личныхъ перемѣнъ, и отъ обѣщаній, — и даже воспылали разными надеждами. По поводу этого умиленія и надеждъ мы напечатали двѣ статейки: *«Соловья баснями не кормятъ»* и *«Было бы болото, а черти будутъ»*, — въ которыхъ посильными соображеніями и ссылкой на исторію старались доказать, что такъ называемая «смута» не можетъ быть искоренена, — и, главное, никакое серьезное движеніе Россіи впередъ не возможно, если не будутъ измѣнены ея основные законы въ направленіи *политической свободы.*

По поводу этихъ то нашихъ брошюръ «Голосъ» написалъ намъ «отвѣтъ», — при чемъ нѣкоторыя части его редижировалъ такъ, какъ будто онъ отвѣчаетъ намъ отъ имени самаго вицеимператора Россіи. Но, къ сожалѣнію, петербургская газета ничего не отвѣтила по существу дѣла, — а перескочила черезъ вопросъ, кавалерски обошлась съ поставившимъ его и закончила весьма спутанною аллегоріей о трудолюбивыхъ муравьяхъ и праздной коровѣ. Вмѣсто того, чтобъ нашимъ политическимъ требованіямъ и мнѣніямъ противуставить свои, — «Голосъ» записалъ насъ въ «русскую соціально-революціонную партію», какую затѣмъ онъ и изобразилъ, какъ самъ

1-й экз.
12801
2011
У

захотѣлъ, — и потомъ началъ намъ доказывать все неприличіе для насъ, какъ для члена этой партіи, толковать о политической свободѣ. Затѣмъ послѣ страннаго моленія, обращеннаго къ намъ лично о томъ, чтобъ мы «употребили свое вліяніе, чтобъ новое (?!) и отрадное (!!!) теченіе, показавшееся въ нашей администраціи (т. е. кормленіе соловья баснями!) не было прервано какимъ нибудь возмутительнымъ пассажемъ», — разсказываетъ намъ о томъ, какъ какіе то трудолюбивые муравьи къ числу которыхъ, конечно, редакція причисляетъ себя, а можетъ быть и гр. Лориса-Меликова, за котораго она говоритъ, — потихоньку строютъ свое жилище и какъ время отъ времени ихъ работу разрушаетъ праздная и лѣнивая корова, — т. е. русскіе революціонеры. Въ заключеніе скромная газета грозитъ разсердиться и обратиться съ своими муравьями въ грозную силу,—«которая де прихлопнетъ «соціально-революціонную» корову, такъ что и слѣда (отъ нея) не останется»......

Волей не волей мы должны теперь обсуждать затронутые вопросы въ странныхъ рамкахъ, данныхъ нашимъ возражателемъ.

Начнемъ съ покорнѣйшей просьбы выключить насъ не только изъ «русской соціально-революціонной», но и изъ какой бы то ни было «русской» партіи. Мы хотя и родились отъ «подданныхъ русскаго императора», но мы не русскій ни въ одномъ изъ тѣхъ двухъ смысловъ этого слова, въ какихъ оно обычно употребляется. — Мы не *великоруссъ,—а украинецъ*, и какъ таковой, мы членъ націи, которая не только подавляется въ «русскомъ» государствѣ, въ *Россіи*, и правительствомъ, а отчасти и обществомъ господствующей національности, но и помѣщается и за предѣлами Россіи: въ Австро-Венгріи.

Поставивъ себѣ главною цѣлью работать, по мѣрѣ нашихъ силъ и умѣнья, на пользу нашего роднаго народа, мы можемъ говорить о «русскихъ» (великорусскихъ и россійскихъ) дѣлахъ лишь по стольку, по скольку они касаются нашего народа; — мы можемъ по стольку же входить въ соприкосновеніе и съ «русскими» партіями, но отнюдь не можемъ помѣщаться всецѣло ни въ какую изъ нихъ. Это должно бы быть извѣстно и «Голосу», который называетъ насъ «издателемъ украинофильской (?) «Громады». *) Дальше мы въ этой самой «Громадѣ» не однократно заявляли, что всѣ наши мнѣнія мы высказываемъ лично отъ себя, а вовсе не отъ какой либо партіи или даже группы. По этому, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, мы и подписываемъ всѣ свои политическія статьи и въ «Громадѣ», и внѣ ея. Когда настанетъ намъ время говорить вмѣстѣ съ какой либо партіей, или по ея уполномочію, — тогда вмѣстѣ съ нашей будутъ стоять и подписи другихъ членовъ партіи, или будетъ напечатанъ мандатъ, подписанный нашими довѣрителями. До тѣхъ же поръ мы просили бы нашихъ возражателей, начиная съ «Голоса»,— если они уже удостоиваютъ насъ спора, — то и спорить прямо противъ нами высказанныхъ мнѣній, оставя въ сторонѣ всякія, а особенно «русскія» партіи.

За тѣмъ, конечно, мы должны просить «Голосъ» спорить съ тѣми мнѣніями, которыя мы дѣйствительно высказывали, а не съ тѣми, какія ему угодно намъ накинуть или за насъ сочинить. Такъ напр., — если уже кому угодно говорить съ нами о тѣхъ явленіяхъ,

*) Сами мы зовемъ свой сборникъ „украинскимъ", а не „украинофильскимъ" и частенько полемизируемъ съ старыми украинофилами въ Россіи и въ Австріи.

какія теперь зовутся въ Россіи «смутой», — т. е. о тайныхъ политическихъ убійствахъ, — то мы напомнимъ, что мы о нихъ высказали весьма опредѣленное мнѣніе при самомъ ихъ началѣ,— а именно въ «Листкѣ Громады» 1878 г.

Въ этомъ листкѣ мы старались показать, что ни одно изъ надѣлавшихъ въ послѣднее время шуму въ Россіи и въ Европѣ покушеній и убійствъ,—кромѣ убійства ирландскаго лорда Лейтрима, ни съ какими явленіями *соціальнаго* характера прямаго соотношенія не имѣетъ. Покушеніе же Пассананте, о которомъ вспоминаетъ намъ въ пику «Голосъ», есть просто случайность, которая въ Италіи и не имѣла ровно никакихъ послѣдствій ни для политическихъ партій, которыя остались каждая на своемъ мѣстѣ, ни для соціальныхъ, изъ которыхъ интернаціалистовъ, какъ прежде преслѣдовали, на сколько можно было при тамошнихъ порядкахъ, такъ преслѣдуютъ и послѣ покушенія. Въ Германіи Бисмаркъ, правда, извлекъ для себя пользу изъ покушеній Геделя, — который долженъ быть устраненъ изъ всякихъ партій, такъ какъ онъ самъ отрицалъ даже намѣреніе стрѣлять въ короля, и Нобилинга, который былъ собственно республиканецъ, а не соціалистъ; — Бисмаркъ вынудилъ у парламента законъ противъ соціалистовъ, подобно тому, какъ русскіе крѣпостники 1866 г. извлекли себѣ пользу изъ покушенія Каракозова, — но покушеніе Нобилинга черезъ то соціалистическимъ не стало: европейскіе соціалисты борятся съ капиталомъ, — а что значитъ въ этой борьбѣ не только одна, но и всѣ коронованныя головы? Наконецъ всѣ эти западно-европейскія покушенія существенно отличаются отъ совершившихся въ послѣднее время въ Россіи тѣмъ, что они всѣ изолированны и потому уже довольно случайны. Такія покушенія бывали и прежде и будутъ долго и послѣ. Рядъ же убійствъ и покушеній въ Россіи представляетъ явленіе гораздо болѣе серьезное, — и если вдуматься въ нихъ, совершенно законообразное. Достаточно посмотрѣть на категорію лицъ, противъ которыхъ они направляются, чтобъ опредѣлить ихъ характеръ; лица эти: шпіоны, прокуроръ, полиціймейстеръ, жандармы, наконецъ царь, — все слуги и представители власти политической, а не экономической, какъ напр. подрядчики, фабриканты, помѣщики. *) Чтобъ понять значеніе этихъ убійствъ и покушеній нужно отрѣшиться отъ юридической точки зрѣнія, — все равно карательной, или восхвалительной, — а стать на точку зрѣнія общественно-физіологическую. На такую точку зрѣнія становились мы, когда писали въ «Листкѣ Громады» по поводу одесскаго дѣла о вооруженномъ сопротивленіи жандармамъ и петербургскаго убійства Мезенцова и прокламаціи «Смерть за смерть» слѣдующее:

«По газетнымъ извѣстіямъ о дѣлѣ Ковальскаго выходило, что это былъ первый случай, когда мирные россіяне отважились систематически оборонять себя и свой домъ отъ государственныхъ злодѣевъ и разбойниковъ, — и для всякого честнаго человѣка, хотя бы онъ

*) Весьма можетъ быть, что если въ вышеупомянутыхъ западно-европейскихъ покушеніяхъ и есть какая либо законосообразность, то она заключается въ эпидемическомъ подражаніи покушеніямъ русскимъ, — хотя и при совершенно иныхъ условіяхъ. По этому враги этихъ покушеній на Западѣ должны бы были вмѣсто того, чтобъ кричать противъ «русскихъ нигилистовъ»,—выступить противъ русскихъ политическихъ порядковъ, которыхъ послѣдствія отражаются и за границей.

былъ и не соціалистъ, не можетъ быть двухъ мнѣній о такой самооборонѣ. Это не то, что тайное убійство шпіона, относительно котораго общество могло и не знать, точно ли онъ такъ виноватъ, чтобъ его нужно было убивать, *) и даже не то, что тайное убійство, хотя бы и на улицѣ, самаго шефа тайной полиціи. Тайное убійство можно простить, или понять его причину, или еще, смотря на такія явленія, какъ историкъ, можно понять ту пользу, какую оно принесло тѣмъ, что обратило вниманіе общества на причину, которой оно вызвано. Но прославлять тайное убійство, ставить его въ примѣръ и систему нельзя. По меньшей мѣрѣ оно останется все таки дѣломъ совѣсти тѣхъ, кто его сдѣлалъ, дѣломъ, о которомъ сторонній человѣкъ можетъ сказать только: «вѣрно, иначе нельзя было поступить», — или «вѣрно, убитый довелъ человѣка до такого поступка». Совѣсть же общественная всегда и вездѣ возстаетъ противъ того, чтобъ тайное убійство «становилось системою», — а люди съ идеями о коренной перемѣнѣ общественныхъ порядковъ, напр. соціалисты, когда слышатъ о какихъ то тайныхъ судахъ, о карательныхъ комитетахъ, когда видятъ листки съ страшными печатями и т. д., — то не могутъ не видѣть во всемъ этомъ остатковъ все тѣхъ же старыхъ порядковъ, которые эти люди хотятъ перемѣнить, — остатковъ всякихъ «высшихъ соображеній», — «исключительныхъ мѣръ», «raison d'état, raison du parti» и т. д. **) Другое дѣло — явная самооборона отъ врага своего и — всего общества! Тутъ не только *цѣль чистая, но и средство найчистѣйшее, вполнѣ достойное этой высокой цѣли*. Выше самообороны стоитъ только явное нападеніе на этого врага, попытка освободить отъ него все общество. А такой врагъ, о которомъ не можетъ быть двухъ мнѣній у всѣхъ сколько нибудь уважающихъ себя и понимающихъ общественный строй людей, — такой лютый врагъ есть тайная полиція, постыднѣйшая изъ опоръ, на которыхъ держится царское самодержавіе».

Переходя далѣе къ убійству Мезенцева, къ правительственному по поводу него воззванію и прокламаціи «исполнительнаго комитета», — мы говорили, что и правительству вовсе не къ лицу говорить «о не слыханныхъ злодѣйствахъ враговъ общественнаго порядка», но что и листокъ «исполнительнаго комитета» затемнилъ дѣло. «Между тѣмъ,

---

*) Ср. наше мнѣніе о покушеніи на убійство г. Гориновича, — въ „Громадѣ“ т. II. стр. 267 и дальше въ „Листкѣ Громады“ примѣчаніе къ письму г. Я. Стефановича.

**) Не трудно сдѣлать изъ этихъ словъ о необходимости и для революціонеровъ, особенно для соціалистовъ не отступать изъ за временныхъ «интерессовъ партіи» отъ основныхъ началъ общественности, наведеніе и на позднѣйшія дѣйствія нѣкоторыхъ южныхъ кружковъ, въ родѣ кражи въ банкѣ, покушеній на ограбленіе почтъ и т. п. дѣйствій, которыя вмѣстѣ съ такими прежними, какъ напр. подложныя телеграммы въ Кіевѣ, подложный манифестъ къ чигиринскимъ крестьянамъ и т. п. (о чемъ мы тоже въ свое время говорили. «Громада». IV, 210—211) неизбѣжно должны были повредить кредиту «русской соціально-революціонной партіи» и въ обществѣ, и въ народѣ. Наше мнѣніе, которое представляетъ только частное примѣненіе основнаго нашего принципа: *чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ*. — не изолировано. Въ томъ же духѣ высказался не очень давно и другой соціалистъ-украинецъ г. Подолинскій въ статьѣ «Socialisme, nihilisme et terrorisme» въ Revue Socialiste, 1880, № 6.

говорили мы, — дѣло это само по себѣ необыкновенно ясно! Мезенцевъ съ другими шефами жандармовъ, которые и до сихъ поръ преблагополучно проживаютъ и даже благодаря Александру Николаевичу, который сдѣлалъ изъ обершпіонской службы какую то школу «государственныхъ знаній», — Мезенцевъ съ Тимашевымъ, Шуваловымъ, Потаповымъ, съ министрами, какъ Паленъ, съ массою жандармовъ и прокуроровъ причинили столько безчеловѣчной муки столькимъ сотнямъ, если не тысячамъ людей, у которыхъ у каждаго есть отцы и матери, братья и сестры, дѣти и друзья, — что дивно не то, что Мезенцовъ убитъ, а то что это случилось такъ поздно и съ однимъ только Мезенцевымъ. Каждый мѣсяцъ читаемъ мы, какъ на судахъ разбираются дѣла объ убійствахъ, совершаемыхъ по причинамъ далеко менѣе важнымъ, чѣмъ тѣ муки и горе, какое терпятъ въ Россіи «политическіе преступники», ихъ родственники и друзья, — и ежемѣсячно мы видимъ, какъ присяжные не рѣшаются взять на свою совѣсть сказать: «да, — виновенъ!» Именно «та среда, изъ которой выходятъ убійцы царскихъ слугъ», состоитъ изъ людей слишкомъ добрыхъ, слишкомъ мягкихъ: именно эта доброта и мягкость да соціалистическія идеи о томъ, что „корень зла не въ лицахъ Мезенцовыхъ, Шуваловыхъ и т. д., а въ тѣхъ порядкахъ, которые даютъ имъ силу“, — только эти причины еще и держатъ на свѣтѣ всякихъ Мезенцевыхъ, Шуваловыхъ, Тимашевыхъ, Паленыхъ съ ихъ подручниками. А не будь того и другого, — то всѣ бы эти Мезенцевы и безъ всякихъ „карательныхъ комитетовъ“ и „судовъ соціально-революціонныхъ партій“ валились бы еженедѣльно, — и всякій „правый судъ“ присяжныхъ гражданъ, — если бы убійца расказалъ передъ нимъ все, что у него на сердцѣ, — не сказалъ бы ничего, кромѣ: „нѣтъ, — не виновенъ!“

«А правительство, — т. е. тѣже самые Мезенцовы, зовутъ всю Россію спасать ихъ. Кого? — Новую опричнину, которой не достаетъ только тѣхъ собачьихъ головъ, которыя открыто носило на палкахъ „III-е отдѣленіе опричной канцеляріи Его Величества царя Ивана Васильевича IV“. И находятся люди, которые, думая, быть можетъ, про себя о Мезенцовѣ и подобныхъ ему рыцаряхъ ордена собачьей головы, — что — де: „собакѣ собачья и смерть“, — пишутъ статьи и адресы о возмутительныхъ злодѣйствахъ и насиліяхъ изъ за угла надъ исполнителями правительственныхъ предначертаній!“

«Что же такое III отдѣленіе..... какъ не „возмутительное злодѣйство и насиліе изъ за угла, возведенное въ систему и въ государственное учрежденіе?.... И Россія будетъ терпѣть „Тайныя розыскныя канцеляріи, сколько бы именъ имъ не было!“ Будетъ плакать по ихъ „злыхъ, подлыхъ и бездѣльныхъ“ шефахъ?! Защищать и сохранять ихъ на дальше?!!“

Конечная мысль всей этой нашей статьи озаглавленной „Если биться, то уже не мириться“, — это мысль о потребности организаціи широкой и открытой борьбы противъ всего теперешняго политическаго, церковнаго и соціальнаго строя Россіи, — но борьбы безусловно чистыми средствами.

Уже изъ выписанныхъ словъ «Голосъ» можетъ увидѣть, въ чемъ и насколько наши взгляды различаются отъ тѣхъ, какіе высказаны въ петербургскихъ прокламаціяхъ «исполнительнаго комитета», по которымъ, съ примѣсью собственной фантазіи, «Голосъ» характеризуетъ ту «партію», къ коей мы будто бы принадлежимъ. Но дѣло не въ этомъ только; — изъ выписанныхъ словъ видно, какъ не трудно было еще въ 1878 г. предвидѣть, что политическія убійства не

остановятся на одномъ Мезенцевѣ, если не обращено будетъ серьозное вниманіе на устраненіе ихъ общественно-физіологическихъ причинъ. И дѣйствительно, — нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣдовало покушеніе на Дрентельна, потомъ покушеніе Соловьева на царя, устроенное, по всей вѣроятности, по личной иниціативѣ, какъ и покушеніе Младецкаго на гр. Лориса-Меликова, —а затѣмъ два подкопа противъ царя, уже очевидно устроенные цѣлыми группами людей, при сочувствіи значительной части другихъ, безъ чего невозможно было ни пріобрѣтеніе средствъ, ни укрываніе исполнителей.

При той атмосферѣ страсти и озлобленія, какую создали правители Россіи около всѣхъ заподозрѣнныхъ въ политической и соціальной оппозиціи, при томъ презрѣніи, какое должно было образоваться у всего общества къ высшей администраціи, ко двору и династіи особенно со времени послѣдней войны, — крайне странно и удивляться всему случившемуся. По крайней мѣрѣ мы, — сохраняя вполнѣ вышеизложенный взглядъ свой на политическія убійства, — въ тоже время въ статьѣ своей, писанной для редакціи «Народной Воли» (въ отвѣтъ на приглашеніе къ сотрудничеству) еще передъ московскимъ взрывомъ и гдѣ-то застрявшей въ почтово-жандармскихъ трущобахъ, — сказали, что ничуть не удивимся, если покушенія послѣдуютъ не только противъ царя, но и противъ всего царствующаго дома съ «синклитомъ»; что эти покушенія должны вызвать вящія и безразборныя гоненія на общество, — и такимъ образомъ неизбѣжный процессъ перемѣны политическаго строя въ Россіи долженъ принять все болѣе и болѣе озлобленный, кровавый характеръ. Какъ на единственное средство, для сокращенія злобы и кровопролитія, мы указывали и теперь, какъ и въ листкѣ «До чего довоевались?» (1878) на широкое общественное движеніе, которое бы сразу вырвало власть у придворно-монархической партіи.

Событія вполнѣ подтвердили наше предвидѣніе, — весьма впрочемъ не трудное.

Что касается до Александра Николаевича лично, то онъ, съ самаго дня оправданія г-жи Засуличъ, сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобъ не только увеличить число причинъ политическихъ убійствъ, но и самому таки наскочить на покушенія, и вопросъ только въ томъ, по своей ли иниціативѣ онъ все это сдѣлалъ, или его къ тому подталкивали его приближенные.

Что тамъ ни говори, — а общество устами присяжныхъ по дѣлу г-жи Засуличъ рѣшило вопросъ объ убійствѣ слугъ деспотизма въ Россіи совершенно въ духѣ нашего мнѣнія. «Главѣ государства», — если бы только какой нибудь самодержецъ могъ быть въ дѣйствительности тѣмъ, что юристы и публицисты въ родѣ «Голоса» называютъ «главою и представителемъ общества и права», ничего бы не оставалось, какъ подчиниться законному приговору суда и уразумѣть данный имъ урокъ. А что сдѣлалъ и позволилъ сдѣлать Александръ Николаевичъ?! — объ этомъ лишнее и говорить. Мы напомнимъ только одно обстоятельство. На судѣ противъ г-жи Засуличъ прокуроръ, — чтобъ повліять на присяжныхъ, сказалъ, что не должно смѣшивать дѣла о ея преступленіи съ дѣломъ «о превышеніи власти» г. Треповымъ, о коемъ-де производится особое слѣдствіе. Если теперь «Голосъ» говоритъ намъ, что и въ свободной Европѣ за политическія убійства по головкѣ не гладятъ, то и мы припомнимъ, что напр. иностранная печать, которая была очень изумлена оправданіемъ г-жи Засуличъ, въ тоже время единодушно осуждала и поступокъ г. Трепова. Петербургскіе присяжные оказались, какъ и слѣдовало ожидать,

лучше знакомы съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи; — они знали, что слѣдствіе «о превышеніи власти» г. Треповымъ есть эпизодъ изъ басни «Крестьяне и Рѣка», — и потому пропустили мимо ушей аргументъ прокурора, который бы имѣлъ силу только тогда, когда бы судъ надъ г-жею Засуличъ отправлялся послѣ суда надъ г. Треповымъ, — какъ бы слѣдовало быть и по хронологическому порядку преступленій. Но, какъ извѣстно, г. Треповъ былъ осыпанъ знаками монаршаго благоволенія, а оправданная присяжными г-жа Засуличъ, если бы не догадалась скрыться, была бы давнымъ давно упрятана куда нибудь административнымъ порядкомъ.

Дѣло Мезенцева, — при всей личной репутаціи этого жандарма, — Александръ Николаевичъ опять таки сдѣлалъ своимъ личнымъ дѣломъ и объявилъ изъ за него всю Россію на военномъ положеніи, при чемъ дошелъ до смѣшнаго, обративши въ военно-политическія дѣла всякія столкновенія мужиковъ и бабъ съ урядниками. (См: недавніе процессы). Въ крайнемъ ослѣпленіи Александръ Николаевичъ обратился къ «обществу», прося и его помочь ему въ войнѣ съ врагами Треповыхъ и Мезенцевыхъ. Нашлись и въ этомъ обществѣ люди, которые хоть съ запинкою, но замѣтили ему устами нѣсколькихъ земскихъ адресовъ, особенно изъ украинскихъ губерній, — что треповско-толстовскій режимъ имъ не совсѣмъ симпатиченъ. Но Александръ Николаевичъ не внялъ и этому предостереженію, — а распустилъ пуще прежняго своихъ жандармовъ. Нѣкоторымъ извиненіемъ Александру Николаевичу служитъ то, что адресовъ этихъ было мало и что большая часть даже этихъ адресовъ была наполнена недостойными сожалѣніями по шефѣ жандармовъ и столь же недостойными, сколько и нерасчетливыми выходками противъ „враговъ правительства". *) Конечно, Александръ Николаевичъ сдѣлалъ ошибку, принявъ за чистую монету обычныя холопскія фразы, но и адресоподаватели, даже самые смѣлые, сдѣлали большую ошибку, пропустивъ моментъ рѣшительно высказаться противъ устарѣлаго и безчеловѣчнаго политическаго строя и тѣмъ предупредить то, что должно было неизбѣжно случиться. Послѣ этого выстрѣлъ Соловьева, — а дальше, особенно послѣ подчиненія Россіи областнымъ сатрапамъ, изъ которыхъ дѣйствія Тотлебена съ Панютинымъ теперь не рѣшаются защищать даже и правительственные агенты, — два динамитные взрыва случились, какъ совершенно неизбѣжныя явленія. Своего рода судъ присяжныхъ произнесъ свой приговоръ и по этимъ дѣламъ — отказомъ Франціи выдать Гартмана, — и если этого отказа самъ Александъ Николаевичъ не хочетъ считать за судебный приговоръ, — то ему остается только обратиться съ новымъ требованіемъ о выдачѣ Гартмана къ Англіи; — англійскій приговоръ онъ получитъ уже прямо отъ суда, какъ получилъ его Наполеонъ III по дѣлу сообщника Орсини Бернара: «нѣтъ, не виновенъ!»

И теперь, по вопросу «о смутѣ», при всей Лорисъ-Меликовщинѣ, — въ которой «Голосъ» убѣждаетъ насъ видѣть «новое и отрадное теченіе, показавшееся въ нашей администраціи», — положеніе дѣлъ въ сущности осталось прежнее. Нѣкоторое смягченіе политическихъ строгостей и нѣкоторое облегченіе участи заподозрѣнныхъ, болѣе

---

*) Не слѣдовало бы забывать, что самый поводъ «земцамъ» высказать ихъ мысли данъ былъ все таки «этими врагами», — подобно тому какъ и теперь все Лорисъ-Меликовское «послабленіе» есть все таки результатъ усилій открытыхъ «враговъ правительства».

впрочемъ обѣщанное, нежели исполненное, — все это весьма невеликая уступка общественному мнѣнію, весьма опредѣленному относительно двухъ пунктовъ: подчиненія чиновниковъ закону и неприкосновенности личности безъ нормальнаго суда. А главное, если бы *уступки* были и большія, то всѣ онѣ не прочны, — ибо *не упрочены даже законодательными актами, исходящими отъ монарха, не говоря уже о представительныхъ учрежденіяхъ*. Сегодня мягче, — завтра строже; у одного сатрапа легче, у другаго — тяжче. Какой же тутъ резонъ останавливать рыть мины тѣмъ, кто это разъ началъ? А завтра произойдетъ какой нибудь взрывъ, хоть бы и неудачный, или завтра кто нибудь изъ людей близкихъ къ лицамъ, замученнымъ какимъ нибудь Тотлебеномъ или Чертковымъ, пожелаетъ отмстить палачу, — и что будетъ съ самою Лорисъ-Меликовщиною?!

Нѣтъ, даже если понимать вопросъ «о смутѣ» въ Россіи такъ узко, — исключительно только въ рамкахъ вопроса о политическихъ убійствахъ, то мы рѣшительно не видимъ резона, почему бы эта смута могла быть усыплена баснями гр. Лориса-Меликова и пѣснями «Голоса». И если бы дѣло шло только объ одной пробѣ, все таки гр. Лорисъ-Меликовъ, если онъ сколько нибудь серьозный и искренній человѣкъ, долженъ бы былъ попробовать тѣ мѣры, какія были указаны нами въ брошюрѣ «Соловья баснями не кормять»; а именно, —

1) Полная амнистія всѣмъ политическимъ преступникамъ.
2) Снятіе военнаго положенія и отмѣна всѣхъ исключительныхъ мѣръ и судовъ.
3) Упраздненіе III отдѣленія и всякихъ тайныхъ судовъ и административныхъ ссылокъ.
4) Предоставленіе свободы печати, обществъ и сходокъ.
5) Созывъ земскаго собора, — который одинъ можетъ обезпечить прочность вышеписанныхъ мѣръ.

Но независимо отъ исключительныхъ явленій, каковы политическія убійства, политическая свобода сама по себѣ составляетъ потребность всякаго общества, — во всякое время, — а въ настоящее время всѣ дѣла Россіи дошли до того, что дальше медлить съ установленіемъ этой свободы было бы гибельно во всяческихъ отношеніяхъ: національныхъ, культурныхъ, экономическихъ и т. д. Мы такъ много говорили объ этой потребности, — и говорили вовсе не со вчерашняго дня для того, „чтобъ поймать на декларацію по 1789 г.“ тѣхъ легковѣрныхъ, которыхъ будто бы «нельзя уже поймать на декларацію по Бабефу и по Бебелю», какъ (добросовѣстно!) увѣряетъ «Голосъ», — а съ самаго 1872г., а особенно съ начала сербско-болгарскаго движенія, въ 1875—76 гг. (см. „*Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ*“, „*Турки внутренніе и внѣшніе*“ и т. д.) что вправѣ болѣе не говорить уже объ этой потребности. Мы напомнимъ только «Голосу», который иронически жалѣетъ, что мы не написали проэкта политической свободы для Россіи, подобно тому, какъ написали проэктъ (!!) «федералистической» пропаганды соціализма, — что съ своей стороны не только написали, но даже въ свое время изъ за него приняли на себя ругательства отъ «Набата» и упреки, сотрудника „Чернаго Передѣла“ г. Я. Стефановича *) „Голосъ“ найдетъ нашъ проэктъ если не въ брошюрѣ „Внутреннее рабство и война за освобожденіе“ (1877), то въ листкѣ „До чего довоевались?“ (1878) перепечатанномъ петербургской вольной типографіей подъ названіемъ „Результаты

*) См. „Община“ 1878 № 8 и 9 статью Я. Ст—ча и отвѣтъ нашъ.

послѣдней войны“. Вотъ тотъ минимумъ, который мы предлагали еще три года тому назадъ:

1) Неприкосновенность лица и жилища для полиціи.
2) Неприкосновенность всѣхъ національностей въ частной и публичной жизни (въ школахъ, судахъ и т. д.).
3) Свобода и равноправіе всѣхъ вѣроисповѣданій.
4) Свобода печати, обученія, сходокъ и обществъ.
5) Самоуправленіе общинъ, земствъ (уѣздовъ и губерній) и областей.
6) Земскій соборъ и отвѣтственность передъ нимъ и передъ судомъ всѣхъ чиновниковъ. *)

За такіе „проэкты“ намъ совсѣмъ съ другой стороны читались поученія въ родѣ тѣхъ, какія теперь читаетъ намъ „Голосъ“, — а именно, что соціалисту неприличны подобныя ереси „конституціонализма“. Мы, грѣшный человѣкъ, ко всѣмъ правовѣріямъ и мундирамъ имѣемъ весьма мало страху и когда высказываемъ какое нибудь требованіе, то всего менѣе думаемъ о томъ, идетъ ли оно къ какому либо партіонному мундиру, или нѣтъ, а думаемъ лишь о томъ: вытекаетъ ли оно изъ какой нибудь реальной потребности общества, или нѣтъ? Но „Голосъ“ напрасно себѣ представляетъ, что всѣ соціалисты такъ уже равнодушны къ вопросу о политическихъ порядкахъ въ государствахъ, среди которыхъ имъ приходится не только коротать свой вѣкъ, но и пропагандировать населенію свои идеи. Публицисты „Голоса“, до самаго проф. Градовскаго включительно, уже не разъ доказали малое свое знакомство съ европейскимъ и даже россійскимъ соціальнымъ движеніемъ. **) Чтобъ не выходить даже за предѣлы послѣдней статьи „Голоса“, мы должны имъ замѣтить, — что напр. когда во Франціи среди рабочихъ поднятъ былъ вопросъ о томъ, какъ отнестись къ Наполеоновскимъ порядкамъ, то Лозанскій конгрессъ „Международнаго общества рабочихъ“ въ 1867 г. заявилъ, что „такъ какъ отсутствіе политической свободы составляетъ препятствіе для общественнаго воспитанія народа и освобожденія пролетаріата, — то и постановляется: 1) Что соціальное освобожденіе работниковъ нераздѣльно отъ освобожденія политическаго, 2) что установленіе политической свободы есть мѣра первой необходимой потребности, 3) что настоящее постановленіе будетъ возобновляться ежегодно, — 4) что объ этихъ резолюціяхъ будетъ сообщено оффиціяльно всѣмъ членамъ М. общества Р., а также Конгресса Мира, съ просьбой объ ихъ энергическомъ содѣйствіи къ тому, чтобъ доставить всѣмъ народамъ неотъемлемыя права 1789 г.“ А „по Бебелю,. такъ и самая соціальная революція произойдетъ тогда, когда парламентъ наполнится депутатами отъ народа и классовое государство превратится въ народное государство (Volksstaat), — такъ что и петербургскій „исполнительный комитетъ“, съ которымъ сражается „Голосъ“, — въ своей „Программѣ“ только сталъ на точку зрѣнія нѣмецкихъ соціальдемократовъ „по Бебелю“.

*) Послѣ этихъ общихъ, политическихъ, требованій мы считали нужнымъ прибавить, по настоящему положенію Россіи, еще два, особаго характера: 7) Пересмотръ всего соціально-экономическаго положенія народныхъ массъ. 8) Полная амнистія всѣмъ политическимъ преступникамъ.

**) Такимъ невѣжествомъ объясняются и слова „Голоса“ о деспотической „громадѣ“, которой будто бы мы хотимъ подчинить личность.

Мы вовсе не раздѣляемъ иллюзій „исполнительнаго комитета" относительно соціально-демократическаго характера возможнаго земскаго собора въ Россіи и весьма плохо вѣруемъ въ спасеніе міра черезъ парламентскихъ депутатовъ, будь они всѣ Бебели, — но мы ни на минуту не затруднимся въ выборѣ между нѣмецкими политическими порядками, даже теперешними, и россійскими по Шувалову ли, по Тодтлебену ли, или по Лорису-Меликову. Памятая крѣпко слова нашей народной пѣсни о томъ, что „людская кровь не водица", — мы не можемъ, по совѣту „Голоса", „наплевать" хоть бы на то, будутъ ли цѣлыя поколѣнія гнить по казематамъ и каторгамъ за то, за что въ Европѣ много-много приходится посидѣть мѣсяцъ—другой въ тюрьмѣ, — будутъ ли, по приказу самодурнаго деспота, лишены гражданскихъ правъ сотни лучшихъ дѣвушекъ страны за то единственно, что онѣ уѣхали учиться въ Цюрихъ, когда имъ не даютъ учиться дома и проч., и проч.... Наконецъ то, что самое существенное въ политической свободѣ: неприкосновенность лица, свобода его національности, слова, совѣсти, — свобода сходокъ, обществъ, мѣстное самоуправленіе, — мы считаемъ также существенно необходимымъ для жизни, какъ кислородъ въ воздухѣ, — а на извѣстной степени его разжиженія отнюдь нельзя „наплевать" даже на самую малую дозу его.

Вообще мы всегда считали большою ошибкою со стороны нѣкоторой части русскихъ соціалистовъ противугосударственниковъ (анархистовъ) то, что они ставили россійскую имперію въ рядъ съ другими государствами, которыя тоже борятся противъ соціализма. Французская республика, особенно лицемѣрные и трусливые слуги ея, а часто и враги ея, засѣвшіе въ Версали, сдѣлали тысячи жестокостей противъ защитниковъ Парижской Коммуны, — но припомните: сколько же въ самомъ дѣлѣ страсти должно было накопиться у партій во Франціи во время послѣднихъ дней Наполеона и, двухъ осадъ Парижа, — и подумайте: что же такого подобнаго случилось въ Россіи съ начала 60-хъ годовъ и до самаго взрыва динамита въ зимнемъ дворцѣ? А вѣдь во Франціи вотъ-вотъ воротятся на полную волю и права послѣдніе защитники Коммуны, — а когда же Петербургъ увидитъ хоть бы неповиннаго ни въ каплѣ крови Н. Г Чернышевскаго?

Нѣтъ, — россійская имперія еще не государство, — даже не бюрократія, потому что и въ старой прусской бюрократіи обижаемая государемъ баба могла говорить: „есть судья въ Берлинѣ!" — это старая московская „государева вотчина", осложненная въ немосковскихъ земляхъ петербургскою военною диктатурою, а въ послѣднее время еще и нетерпимою церковностью московскаго „обрусенія". Въ такомъ государствѣ жить никому нельзя, — а не московскимъ народамъ вдвойнѣ. Вотъ почему еще мы, въ качествѣ украинца, вдвойнѣ считаемъ необходимыми усилія съ цѣлью добиться въ возможно близкомъ будущемъ установленія въ Россіи политической свободы, которую мы, кромѣ всего прочаго, считаемъ замѣной нашей національной независимости.

Этой политической свободы, хотя и не въ одинаковой степени, но желаютъ вмѣстѣ съ нами весьма многіе въ Россіи. Вѣдь вы не скрсете же, что въ послѣднее время многіе изъ земцевъ, изъ ученыхъ, литераторовъ высказались, хотя и весьма робко, въ такомъ же духѣ, въ какомъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ высказываемся мы. Вопросъ только въ томъ, какъ добыть эту желанную свободу. Большинство умѣренныхъ людей, лицъ „съ положеніемъ", думаетъ, къ

сожалѣнію, что получитъ эту свободу хныканьемъ или даже лицемѣрнымъ заявленіемъ преданности къ презираемому имъ правительству. Авторы петербургскихъ прокламацій думаютъ добыть ее повторенными политическими убійствами. Мы думаемъ, что хныканье и лицемѣріе не ведутъ ровно ни къ чему, — политическія же убійства, отложивъ даже въ сторону ихъ нравственныя неудобства, — имѣютъ только отрицательное значеніе: они унижаютъ правительство, но не ниспровергаютъ его, не даютъ ничего на замѣну его. Вывести Россію на новую дорогу можетъ, по нашему мнѣнію, только **открытое нападеніе** на ея политическій строй, нападеніе **словомъ и дѣйствіемъ** со стороны правильно организованныхъ **политическихъ обществъ,** составленныхъ изъ людей гражданскихъ и военныхъ **по всѣмъ ея областямъ, среди всѣхъ ея народовъ.** Впрочемъ мы объ этомъ уже отчасти говорили въ вышеназванныхъ брошюрахъ и въ „Громадѣ" съ ея „Листкомъ", и поговоримъ скоро въ особой брошюрѣ. А теперь мы должны поскорѣе покончить съ „Голосомъ" и птому обратимся къ его аллегоріи о трудолюбивомъ муравьѣ и лѣнивой коровѣ, — благо, предметъ этотъ какъ разъ подходитъ къ тому, что мы сейчасъ написали.

По „Голосу" лѣнивою коровою выходятъ соціалисты. Это значитъ и Робертъ Оуэнъ, и Сенъ Симонъ, Прудонъ, Марксъ, Лассаль и т. п. — всѣ лѣнивыя, праздныя коровы. Пусть прочтетъ „Голосъ" хоть въ англійскихъ газетахъ, по поводу вопроса объ амнистіи во Франціи, отзывъ о парижскихъ коммунарахъ проживающихъ въ Англіи, какъ о рабочихъ, изъ которыхъ весьма многіе успѣли занять трудомъ своимъ блестящее положеніе въ индустріи Лондона. А коли не погнушается петербургская газета, то можетъ найти и въ нашей „Громадѣ", т. IV, стр. 229, свѣдѣнія о тѣхъ работникахъ членахъ Коммуны 1871, которые были первокласными рабочими въ своихъ спеціальностяхъ.

Но перейдемъ въ Россію: Герценъ, Бакунинъ, Огаревъ, Добролюбовъ и др. — а изъ теперешнихъ г. Лавровъ, профессоръ высшей военной школы, кн. Крапоткинъ, секретарь отдѣленія р. географ. общества, — будутъ все лѣнивыя коровы? Пусть „Голосъ" прочитаетъ хоть судебные политическіе процессы, отбывшіеся недавно въ Россіи, — и увидитъ, что дѣвицы Бардина, Субботины и др. были прекрасныя студентки, Соловьевъ былъ очень хорошій учитель, другіе были прекрасными мастеровыми и т. д. Все это лѣнивыя, праздныя коровы!

«Голосъ» скажетъ, можетъ быть: ну, не лѣнивые, но съ разгоряченнымъ воображеніемъ, которое выбило ихъ изъ обыденной колеи, а потомъ сдѣлало и праздными. Мы не станемъ спорить противъ того, что подобнаго рода элементъ есть въ русской соціально-революціонной средѣ, какъ и во всякой другой, — и даже, принимая во вниманіе условія воспитанія благороднаго сословія въ Россіи, больше, чѣмъ въ другихъ. Но чтобъ вся эта сфера состояла даже изъ такихъ людей, этого „Голосъ" фактически не докажетъ. Дѣло въ томъ, что основное положеніе соціализма, т. е. ученіе о томъ, что обезпеченіе довольства за каждымъ членомъ общества не возможно, при теперешнемъ строѣ его и безъ обращенія земли, воды и инструментовъ труда въ общую собственность, — это ученіе чѣмъ дальше, все больше пріобрѣтаетъ характеръ научной истины, къ которой съ разныхъ сторонъ приходятъ люди труда физическаго и умственнаго, при умѣ, наблюдательности и искренности. „Голосъ", подобно многимъ другимъ прекраснымъ душамъ въ Россіи, приходитъ въ уныніе отъ нищеты, все болѣе распространяющейся въ нашихъ се-

лахъ. Но вѣдь эту нищету предсказали еще въ началѣ 60-хъ годовъ лѣнивыя коровы, въ родѣ Огарева, разбирая „новое крѣпостное право“ т. е. прославляемое на всѣ голоса „Положеніе о крестьянахъ“ 19 февраля 1861 г. Петербургская и московская газетная братія волновалась изъ за злоупотребленій, обнаруженныхъ пожаромъ на фабрикѣ Гирватовскаго и умиляется назначенію ревизіонной надъ фабриками комиссіи съ участіемъ молодаго ученаго, автора статьи о фабричныхъ законахъ въ Англіи и т. п. Да, — теперь, послѣ того какъ соціальнореволюціонная агитація не только намозолила глаза, но и продырявила стѣны дворца, — теперь назначаютъ коммисію и приглашаютъ въ нее своего рода катедеръ-соціалистовъ, — но мы можемъ напомнить и даже показать десятки статей, въ которыхъ описывалось самымъ скромнымъ образомъ положеніе рабочихъ на русскихъ фабрикахъ и которыя цензура не пропускала, потому-де, что въ нихъ поднимался „соціальный, рабочій вопросъ“. — Мы напомнимъ, что въ тоже время разные господа изъ русскихъ національныхъ либераловъ и славянофиловъ увѣряли, что соціально-рабочаго вопроса въ Россіи нѣтъ и быть не можетъ. А вотъ онъ, оказывается, есть и будетъ со временемъ рости. Національные либералы умиляются при видѣ того вниманія, какое оказываютъ народному быту молодые беллетристы и ученые, разрабатывающіе преимущественно вопросъ о причинахъ крестьянскаго обѣдненія и объ общинѣ, въ которой почти всѣ они видятъ средство задержать это обѣдненіе и поправить его послѣдствія. Но вѣдь между этими этнографами „народниками“ и учеными катедеръ-соціалистами съ одной стороны и между „соціалистами-революціонерами“ съ другой есть очень много точекъ соприкосновенія, особенно въ теоретическихъ основахъ. Добрая доля русскихъ революціонеровъ-народниковъ даже не чужда руссофильскихъ иллюзій народниковъ, такъ сказать, легальныхъ. Если русскіе Шульце-Деличи: кустарофилы, артелефилы, судосберегатели, вовсе не чужды были вліянія прежнихъ соціалистовъ 60-годовъ, то и новые народники-этнографы и ученые общинники принадлежатъ къ тому же поколѣнію, что и „ходившіе въ народъ“ люди процессовъ московскаго 1877 г. и петербургскаго 193-хъ соціалистовъ. Очень часто между ними разницу сдѣлали только темпераментъ да особенности личнаго положенія, — и если одни оказались теперь сидящими болѣе на право, то при другихъ политическихъ условіяхъ многіе изъ нихъ были бы на мѣстахъ гораздо болѣе лѣвыхъ, а съ другой стороны, конечно, добрая доля „соціалистовъ-революціонеровъ“ оказалась бы современемъ гораздо менѣе революціонною. Но собственно и не въ этомъ теперь дѣло, — а въ томъ, что въ нашъ вѣкъ Струсберговщины и пролетаріата, въ вѣкъ серьезной мысли надъ экономическими вопросами, весьма многіе, именно не праздные и не лѣнивые умы, неизбѣжно приходятъ къ соціалистическимъ идеямъ, — а разъ они пришли, то уже одна искренность поведетъ ихъ къ тому, чтобъ говорить народу *всю правду*, а не половину и не четверть ея. И вотъ тѣ господа, которые такъ любятъ восхищаться правдоискательствомъ и искренностью, какъ качествами будто бы преимущественно отпущенными богомъ для русской души, теперь объявляютъ всѣхъ дѣйствительно искреннихъ правдоискателей лѣнивыми и праздными коровами!

Но сдѣлаемъ уступку „Голосу“. Признаемъ за истинныхъ муравьевъ лишь людей не только безъ горячаго темперамента, но и безъ синтеза, но при этомъ все таки не эгоистовъ, а тружениковъ для общей пользы. Посмотримъ, каково въ Россіи положеніе этихъ муравьевъ, —и

кто выйдетъ относительно ихъ праздною коровою-разрушительницею. Мы человѣкъ не особенно бывалый и человѣкъ исключительно учительско-писательскаго цеха. Но мы можемъ указать „Голосу“ не мало примѣровъ изъ нашего края и изъ сферы болѣе намъ близкой: учителей и учительницъ, медиковъ, фельдшеровъ и фельдшерицъ, слугъ земства, волостныхъ писарей, этнографовъ, статистиковъ, — людей, которые, кто по личнымъ особенностямъ, а кто извѣрившись въ широкихъ планахъ, — взялись за самыя скромныя, но безспорно полезныя дѣла съ истинно муравьиною мелочностью. *) И чтожъ? Всюду находилась корова въ лицѣ попа, кабатчика, исправника, крѣпостника-помѣщика, инспектора, губернатора, жандарма, министра, которая разоряла при помощи административнаго произвола и ихъ работу, и ихъ личную жизнь. Многимъ изъ такихъ муравьевъ такое коровье разореніе дало и синтезъ, и даже темпераментъ,—и они пошли въ революціонеры; другіе такъ и остались въ недоумѣніи: съ вопросомъ что же дѣлать?! Пусть хоть „Голосъ“, или лучше нѣсколько большихъ газетъ, которыя величаются своими услугами обществу, обратятся къ своимъ провинціальнымъ корреспондентамъ съ предложеніемъ сдѣлать разслѣдованіе о всѣхъ такихъ муравьяхъ по разнымъ концамъ и о всѣхъ такихъ коровьихъ разореніяхъ за послѣднія 20 лѣтъ,—да пусть сведутъ итоги, то и увидятъ,—кто въ Россіи муравьи, а кто лѣнивая корова и что такое играетъ роль лапы ея?

А съ нашей стороны, впредь до общей „парламентской анкеты“,— мы приведемъ два факта тоже изъ нашего края, факты припомнить которые будетъ тѣмъ болѣе интересно, что къ одному изъ нихъ не безприкосновененъ и „Голосъ“.

Вотъ Вы теперь печетесь о молодежи и возлагаете надежды на то умиротвореніе, какое внесетъ въ школы нашъ новый министръ, г. Сабуровъ. «Берегъ» такъ даже перевираетъ наши статьи, увѣряя, будто мы потому и бранимъ (?!) гр. Лориса-Меликова, что онъ заботится о молодежи. Такъ вотъ мы помнимъ время, когда въ Кіевѣ попечителемъ округа былъ человѣкъ, лучше котораго не скоро подберешь: Н. И. Пироговъ. Школы при немъ управлялись коллегіальнымъ образомъ, — университетская молодежь имѣла свободу корпоративную. И чтожъ? Не сошелся извѣстный ученый съ извѣстной ханжею, женою генералъ-губернатора, — далѣе оказался не по рукѣ жандармской средѣ вообще,—и не смотря даже на то, что самъ царь два раза одобрялъ подаваемыя Пироговымъ записки объ управленіи школами,—онъ былъ тѣмъ же царемъ отставленъ. Скоро потомъ на развалинахъ его системы царь посадилъ круглаго невѣжу и ханжу кн. Ширинскаго-Шихматова,—который даже Островскаго считалъ нигилистомъ и который перегоняя учителей съ мѣста на мѣсто и преслѣдуя «заискиванье популярности», убилъ всякую моральную связь учащихъ и учащихся,—а системою лицемѣрнаго ханжества и подборомъ начальниковъ учебныхъ заведеній уничтожилъ всякій здоровый педагогическій авторитетъ. Наконецъ татарскаго муллу, «магометову ревность къ православію примѣнившаго», смѣнилъ военный генералъ, котораго правленіе ознаменовалось высылкою 140 человѣкъ студентовъ въ мѣста столь и не столь отдаленныя!.... А вотъ другой фактъ:

Было нѣкогда въ нашей Украйнѣ нѣкоторое количество индиви-

---

*) „Голосъ можетъ найти не мало фактовъ и въ нашей „Громадѣ“, особенно во II томѣ въ статьѣ «*Народні школи на Украјіні*» и въ IV т., въ статьѣ: «*Грунт, книжка і препьатствіја*».

думовъ, которыхъ классъ предоставляемъ опредѣлить „Голосу". Звѣри эти занимались между прочимъ такими праздными дѣлами, какъ изученіе своего края, литература вообще и на народномъ языкѣ въ частности, народное образованіе и т. п. Были эти звѣри всякаго цвѣта идей: и матеріалисты, и деисты, и западники, и восточники, и соціалисты, и индивидуалисты и пр. и пр. Общаго же у нихъ было: извѣстный вкусъ къ нравственнымъ интересамъ, любовь къ своему краю и народу. Удалось какъ то нѣкоторымъ изъ этихъ звѣрей вмѣстѣ съ другими подобнаго рода заложить въ Кіевѣ гнѣздо подъ именемъ югозападнаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества. Общество было открытое, — и попало въ него всякаго звѣря и всякъ звѣрь сей несъ въ него результатъ своей праздности: свѣдѣнія о народной музыкѣ, словесности, хозяйствѣ, кустарной промышленности, — о климатѣ страны, населеніи и домахъ города и т. п. Независимо отъ общества членами его и не членами издавались въ Кіевѣ труды о тѣхъ же предметахъ, а также книжки для народнаго чтенія по исторіи, физикѣ, медицинѣ, агрономіи и т. д., которыя расходились до 30,000 экземпляровъ въ годъ безъ всякой оффиціальной поддержки. Петербургскія ученыя общества назначали кіевскимъ звѣрямъ медали и преміи, иностранцы, прославляемые русскою печатью гг. Рольстонъ, Рамбо и даже Леруа Болье, — находили интересъ въ трудахъ этихъ лѣнтяевъ, которые съумѣли привлечь къ соучастію въ своихъ работахъ по родиновѣдѣнію и соплеменниковъ изъ Галиціи, Буковины, и Венгріи и при томъ лицъ разныхъ, до тѣхъ поръ враждовавшихъ между собою кружковъ.

Вдругъ,—столь полезные муравьи, какъ предатель Костомарова тайный совѣтникъ и явный шпіонъ М. В. Юзефовичъ и снискавшій себѣ вѣчную память министръ народнаго помраченія гр. Дм. А. Толстой и его помощникъ полуграмотный кн. Ал Пр. Ширинскій-Шихматовъ — въ добавокъ еще лично обиженные нѣкоторыми изъ кіевскихъ лѣнивыхъ звѣрей, — которые позволили себѣ литературную критику ихъ славныхъ дѣяній и изданій, а также пресловутой выписки залежавшихся чеховъ и мадьяръ въ просвѣтители нашего юношества и подтасовки заявленій общественныхъ симпатій*), — вдругъ, говоримъ, столь полезныя созданія рѣшились разорить украинскія гнѣзда и расточить по лицу земли ихъ членовъ. Нѣтъ ничего легче: на то есть въ Россіи самодержецъ! Его и выпустили расправиться, благо онъ самъ долженъ былъ проѣзжать черезъ Кіевъ. Явился онъ въ Кіевъ въ сентябрѣ 1875 г., изрекъ: „безпорядки!" и назначилъ комисію изъ гр. Толстого, Тимашева, Потапова и Юзефовича для разслѣдованія этихъ безпорядковъ и принятія мѣръ противъ нихъ. Говорятъ, даже мѣстный генералъ губернаторъ, кн. Дундуковъ-Корсаковъ былъ противъ комиссіи и совѣтовалъ ограничиться состоявшимся по высочайшему повелѣнію изгнаніемъ болѣе бодливаго звѣря изъ университета, — и сначала было успѣлъ въ этомъ личными увѣщаніями самодержца въ тѣняхъ Ливадіи. Но вотъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не поладилъ за что то Тимашевъ съ кн. Дундуковымъ, — и комиссія собралась въ маѣ 1876 г. и продиктовала мудрыя рѣшенія: югозападный отдѣлъ географ. общеста закрыть, двумъ членамъ его (награжденнымъ преміями) запретить проживательство въ южнорусскихъ губерніяхъ и въ столицахъ,—а кромѣ того воспретить печатаніе

*) См. «По поводу кіевскихъ застольныхъ рѣчей» (г. Юзефовича, гр. Толстого и др.) Вѣстникъ Европы 1874. XII.

украинскихъ книгъ и даже текстовъ къ нотамъ, а также театральныя представленія, пѣніе и декламацію на украинскомъ языкѣ. Высочайшій самодержецъ подписалъ: «быть по сему»! За симъ пошли писать мелкіе самодержцы..... и началась чистка края отъ „украйнофиловъ", — преимущественно по школьному вѣдомству: попы доносили, инспектора врывались въ частныя квартиры скромныхъ и усердныхъ тружениковъ и выключали ихъ изъ службы за то, что у нихъ въ квартирахъ находили книги объ ихъ краѣ, дозволенныя цензурою, за то что они записывали этнографическіе матерьялы.

Къ расказанной исторіи, — а не аллегоріи, — надо прибавить, что сотрудники „Голоса" съ своей стороны приложили руки ко всему этому раззоренію: гг. Бильбасовъ и Модестовъ писали статейки и псевдо-протоколы въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" и въ журналъ Каткова, въ которыхъ докладывали, что въ нѣкоей диссертаціи въ университетѣ кіевскомъ цитируется Чернышевскій и даже прославляется цареубійство, — „Голосъ" печаталъ статьи „объ украйнофильскихъ увлеченіяхъ, сложившихся подъ вліяніемъ польской интриги" и проявившихся на кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ. А теперь „Голосъ" кидаетъ грязью въ Каткова, хвалитъ монарха за то, что, освободивъ Болгарію отъ Турціи, освободилъ и Россію отъ гр. Толстого. Теперь „Голосъ" лебезитъ передъ нами, и въ тоже время грозитъ совершить чудо: прихлопнуть насъ какъ лѣнивую корову, каковая де раззоряетъ его съ трудомъ воздвигаемый муравейникъ, который онъ думаетъ завершить подъ снисходительною ферулою гр. Лорисъ-Меликова.

Жалкіе люди! — не ужели вы еще смѣете не признавать, что даже если съузить понятіе объ общественной дѣятельности до понятія о работѣ лишенныхъ синтеза и теплой крови насѣкомыхъ,—и то придется сказать, что праздная и лѣнивая корова, которая разоряетъ всѣ общественныя начинанія,—есть самодержавіе шпіоновъ и чиновниковъ, истекающее отъ самодержавія царскаго и имъ, какъ лапою орудующее! Нѣтъ,—довольно даже за послѣдніе двадцать лѣтъ русская дѣйствительность учила этому и горячихъ, и скромныхъ людей, но только людей съ умомъ и сердцемъ, — чтобъ они могли не внять этимъ урокамъ. Нужно дѣйствительно быть теленкомъ, — чтобъ не только сохранить уваженіе къ системѣ правительства, но даже чтобъ допустить поддѣть себя на самыя симпатическія личныя перемѣны и временныя послабленія,— совершаемыя по принципу не такъ давно провозглашенному одною оффиціозною газетою: *лица, а не мѣры!* (men non mesures!)

Нѣтъ, — и не лица, и не мѣры, а совсѣмъ новые законы и учрежденія!

Вотъ чего теперь должны требовать для Россіи всѣ, чьи и горячія, и скромныя начинанія разбивались объ произволъ, организованный въ монархически-полицейскія учрежденія. Каждый по своему, порознь и вмѣстѣ, эти люди должны бороться, пока не повалятъ то чудище, которое топчетъ ихъ со всѣми ихъ начинаніями своими копытами и хоботами и своимъ гнуснымъ дыханіемъ отравляетъ общественную атмосферу,—бороться пока не добьются именно *правъ человѣка* хоть въ томъ *минимумѣ*, который мы выписали выше.

Рядомъ же съ этою борьбою и послѣ ея завершенія болѣе прогрессивныя группы будутъ вести свою другую работу для болѣе широкихъ результатовъ. Такъ понимаемъ мы настоящую задачу всѣхъ прогрессивныхъ группъ въ Россіи.

Теперь даже публицисты всякихъ „Голосовъ", „Береговъ", „Новыхъ Временъ" и т. п. не смѣютъ уже отрицать справедливости требо-

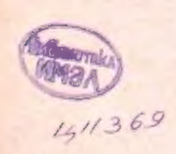
ванiй этихъ *правъ человѣка*. Они только смѣютъ находить, что намъ не къ лицу ихъ требовать, или что другiе не такъ добиваются ихъ, какъ бы слѣдовало. А какъ же добиться ихъ, — скажите Вы, которымъ будто бы болѣе къ лицу требовать этихъ правъ? — Лакействомъ, восхваленiемъ Мезенцевыхъ, виляньемъ??

Вы трепещете, какъ бы теперешнее „отрадное теченiе въ администрацiи" не было остановлено какимъ нибудь пассажемъ, — Вы грозитесь прихлопнуть насъ въ такомъ случаѣ такъ, что отъ насъ и слѣда не останется. Такъ съумѣйте же оградить себя отъ всякихъ „случайностей", т. е. съумѣйте сдѣлать такъ, чтобъ Васъ и нельзя было бить за чужую вину. Вотъ, европейскiе либералы съумѣли же! Пассананте былъ приговоренъ, — а партiя хвалимаго Вами республиканца Кайроли осталась не только цѣла, но даже въ министерствахъ. Правда, итальянскiе либералы когда то сами конспирировали съ Маццини и дрались съ Гарибальди противъ деспотовъ, сослуживцевъ нашего Николая Павловича. Правда, на Западѣ и самъ усмиритель парижской коммуны 1871г. Тьеръ въ 1830г. „прихлопывалъ" не республиканцевъ и соцiалистовъ, — (которыхъ, замѣтимъ, и прихлопнуть до безслѣдности трудно, такъ какъ имъ принадлежитъ будущее), — а старую монархiю, пытавшуюся ожить въ лицѣ Карла X, и началъ вмѣстѣ съ Арманомъ Каррелемъ iюльскую революцiю. Объ этомъ стоитъ подумать россiйскимъ Арманамъ Каррелямъ и Тьерамъ!

Говоря это, мы, конечно, имѣемъ въ виду не сотрудниковъ „Голоса", — которые въ свое время достаточно лебезили передъ грр. Шуваловымъ и Толстымъ, сегодня лебезятъ передъ гр. Лорисъ-Меликовымъ, — а завтра будутъ лебезить передъ какимъ нибудь новымъ душителемъ и вѣшателемъ. Но есть же въ средѣ россiйскихъ литераторовъ и ученыхъ люди и почище, — напр. тѣ, которые недавно передъ памятникомъ Пушкина въ Москвѣ провозглашали тосты за свободу ума и слова, — которые искренно, вѣроятно, жалѣютъ молодежь и тревожатся при видѣ экономическихъ бѣдствiй народа. Пусть бы они выступили съ откровеннымъ словомъ и поучили насъ о томъ, — какъ, думаютъ они, можетъ быть установлена и обезпечена въ Россiи свобода ума и слова, ограждена молодежь отъ террора гр. Толстыхъ, Чертковыхъ, Тотлебеныхъ, — и вообще ограждены *права человѣка*, — а, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ могутъ быть устранены въ Россiи экономическiя бѣдствiя народа, — бѣдствiя, зависящiя и отъ прошедшаго и настоящаго крѣпостническаго строя общества и государства, и отъ грядущаго господства капиталистовъ? Пора бы уже „благоразумнымъ и умѣреннымъ" людямъ, не желающимъ террора ни полицейскаго, ни революцiоннаго, ни мужицкаго, (несомнѣнно, начинающагося) — попробовать дать свои ясные отвѣты на эти „проклятые вопросы!"

М. Драгомановъ.

Женева
3 iюня 1880 г.

141369

Impr. du «Rabotnik» et de la «Hromada»

Библiотека
„Освобожденiя"
№